

**БОЛГАРСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ВНУТРЕННЯЯ
МАКЕДОНО-ОДРИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ (1893-1912 гг.)**

Связи между болгарскими правительствами и Внутренней македоно-одринской революционной организацией уходят корнями в самый ранний период болгарского национально-освободительного движения в Македонии и Адрианопольской (Одринской) Фракии. Они являлись элементом более широкого комплекса взаимоотношений, которые возникли между болгарским государством, Экзархатом, Внутренней организацией и Верховным комитетом. Самым старым из этих институтов являлся Болгарский экзархат, учрежденный султанским фирманом от 28 февраля 1870 г. Затем следовало болгарское государство, политически рожденное 19 февраля 1878 г. в результате русско-турецкой войны и территориально урезанное Берлинским конгрессом 1 июля того же года. Внутренняя организация была основана 23 октября 1893 г. в Салониках под именем Болгарские македоно-одринские революционные комитеты и впоследствии имела различные названия, но в науке осталась известной под именем Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО), которое оставалось в силе до войн 1912-1913 гг. Верховным комитетом, в сущности, назывался руководящий орган Македоно-одринской организации, учрежденной 28 марта 1895 г. в Софии. В период своего расцвета в самом начале XX в. она являлась самой массовой общественно-политической организацией в Болгарии, насчитывающей около 60 000 членов, включенных в широко разветвленную структуру македоно-одринских обществ в стране и за рубежом. Подобно Внутренней организации, она также в различные периоды имела различные названия, но чаще всего для простоты ее обозначения принято было использовать наименование Верховный македоно-одринский комитет (ВМОК). Кроме того, в некоторые периоды своего существования Верховный комитет, в сущности, представлял собой конгломерат различных организаций, идейных течений и группировок. Среди них наибольшим авторитетом и организационной мощью

обладали Болгарские освободительные братства, обычно называемые Тайными офицерскими братствами. Последнее название, впрочем, наиболее точно отражает их сущность. О том, что это была за организация, лучше всего говорит тот факт, что на рубеже XIX-XX вв. в ней состояли около 1000 офицеров действующей армии, т.е. половина офицерского корпуса болгарской армии в то время. Хотя офицерская организация и стремилась ничем внешне себя не проявлять, она стояла за многими событиями в истории македоно-одринского революционного движения. В частности, по крайней мере, в период 1899-1903 гг. она являлась основой ВМОК, на которой выстраивалась, существовала и действовала вся его организационная структура. Короче говоря, национально-освободительное движение болгар в Македонии и Адрианопольской Фракии представляло собой комплекс многочисленных организационных и идейных потоков, которые группировались вокруг четырех основных факторов – болгарского государства, Экзархата, Внутренней организации и Верховного комитета.

Их деятельность развивалась в различных направлениях согласно используемым ими специфическим средствам и методам, которые в итоге и определили им различные роли в борьбе за национальное, политическое и культурное превосходство в Македонии и Адрианопольском вилайете. Поскольку резкую границу между отдельными компонентами этих четырех доминирующих факторов провести было невозможно, в отношениях между ними часто возникали несовпадения интересов, недоразумения и соперничество. Противоречия, несомненно, существовали – как по вопросам тактики, так и по вопросам стратегии, но они существовали как внутри каждого из этих факторов в отдельности, так и во взаимоотношениях их друг с другом. Однако лишь в силу своей неодинаковости, они взаимно дополняли друг друга в борьбе за национальное самосохранение. Объединяла их идея болгарского национального единства, различные проявления которого они символизировали: государство – политическое единство, Экзархия – религиозное, Внутренняя организация и Верховный комитет – революционное.

Македонский вопрос появился в политической жизни Балкан и Европы по воле великих держав, которые на Берлинском конгрессе в 1878 г. пересмотрели политические результаты русско-турецкой войны и раздробили Сан-Стефанскую Болгарию. По природе своего возникновения и по своему государственно-правовому статусу Княжество Болгария вынуждено было согласовывать свою политику, особенно внешнюю, с требованиями великих держав. Руководители болгарского государства, однако, наряду с шагами в унисон с «Европейским концертом» пытались проводить курс, соответствующий собствен-

ным национальным интересам. Разумеется, настолько, насколько вообще возможно было совместить берлинскую кадрили с болгарской рученицей.

Именно поэтому со стороны македонская политика Болгарии выглядела непоследовательной и противоречивой, лишенной внутренней логики и формального единства. Однако при ближайшем рассмотрении в ней можно было увидеть диалектный принцип единства и борьбы противоположностей (что, однако, не делало ее менее непоследовательной и противоречивой). В политике Болгарии в македонском вопросе можно четко выделить две тенденции, которые проистекали если и не из противоположных, то, во всяком случае, различных источников. Одним источником являлось Министерство иностранных дел и вероисповеданий, другим – Военное министерство. Первое пользовалось дипломатическими средствами, призванными содействовать эволюции церковно-школьного вопроса, второе использовало методы вооруженной борьбы. Будучи в оппозиции, политические лидеры склонны были видеть в этой двойственности главное противоречие; когда же они приходили к власти, убеждались, что в такой политике есть и единство. «Гражданская» и «военная» тенденции македонской политики Болгарии, как их иногда называли в прессе, в сущности, были сосредоточены в руках главы государства.

Сочетая, с одной стороны, дипломатические демарши в пользу реформ в Македонии и Адрианопольской Фракии и поддержку церковно-школьной деятельности Экзархата, что осуществлялось по линии Министерства иностранных дел и вероисповеданий, с тайным поощрением македоно-одринской освободительной борьбы в лице Внутренней организации и Верховного комитета, осуществляемое посредством специально созданной в болгарской армии для этих целей офицерской организации, князь Фердинанд пытался играть несколько народнополезную, настолько и опасную игру. Подобная схема действий не являлась ни его оригинальной догадкой, ни специфическим признаком болгарской модели. В то время подобным образом, с использованием официальной и тайной политики, действовали все - и великие, и малые. Особенностью Фердинанда являлся лишь способ, с помощью которого он обеспечивал себе гарантии личной и династической безопасности. В этом плане болгарский монарх соблюдал железное правило – при всяком обострении македонского вопроса он старался быть подальше от Болгарии, за границей. Так было во время Четнической акции в 1895 г., когда впервые и притом успешно две тенденции болгарской внешней политики вступили в действие одновременно; так будет и в 1901 г. при аресте членов Верховного комитета и нейтрализации их усилий по преждевременному обострению македонского вопроса, и в 1902 г. при провозглаше-

нии Горноджумайского восстания, и в 1903 г. во время Ильинденско-Преображенского восстания, и в 1908 г. при осуществлении т.н. Младотурецкой революции.

То, что было в силе для македонской политики Болгарии, имело значение и для «болгарской политики» Внутренней организации, если можно так обозначить ее отношения с различными институтами болгарского государства. В ней также нашли отражение две на первый взгляд противоположные тенденции. С одной стороны члены организации, принадлежавшие ко всем ее уровням и структурам, как, впрочем, и все экзархийское болгарское население в Македонии и Адрианопольской Фракии, тайно или явно уповали на Болгарию. Оттуда ВМОРО получала квалифицированные военные кадры, деньги, оружие, всестороннюю моральную и материальную поддержку. С другой стороны, однако, организация стремилась хотя бы формально и официально дистанцироваться от болгарского государства. В этом смысле идея политической автономии была удачным средством защиты болгарской национальной окраски освободительной борьбы.

В таких широких рамках, охватывающих многообразие болгарских национальных факторов в македонском (и соответственно адрианопольском) вопросе и двойственную сущность их взаимоотношений, развивались и, следовательно, должны рассматриваться взаимоотношения между болгарскими правительствами и ВМОРО. Необходимо в то же время учитывать и постоянно изменяющиеся объективные и субъективные условия, накладывающие отпечаток на эти взаимоотношения. Данная статья не имеет целью научно охватить эту сложную проблему, в ней ставится лишь скромная задача выделить, и при том в самых основных чертах, основные этапы, формы и причины этих взаимоотношений.

Организованное освободительное движение македонских и фракийских болгар и возникновение двух основных организаций – Внутренней организации и Верховного комитета – словно через пуповину, образно говоря, было связано с Болгарией и, если говорить точнее, с крупными внутривнутриполитическими переменами в стране – кризисом и падением режима Стамболова. Политика Стефана Стамболова, связанная с противостоянием с Россией и сближением с Турцией, встретила неодобрение и сопротивление со стороны болгарской интеллигенции в Македонии и Адрианопольской Фракии, чьи политические чувства остались нетронуты политическими страстями в Болгарии. Не случайно идея создания ВМОРО возникла в атмосфере идейного противостояния между приверженцами и противниками политики Стамболова в македонском вопросе. Революционная организация и вооруженная борьба сами по себе были отрица-

ем тактики просветительского эволюционизма Экзархата и политических усилий правительства, направленных на достижение неких, пусть и ограниченных, реформ посредством сближения и достижения соглашения с Высокой портой¹.

Это идейное противостояние, порожденное внутренней и внешней политикой Болгарии, одновременно нашло материальное и символическое выражение в брошюре «Стамболовщина в Македонии и ее представители». Она была написана в 1894 г. Петром Попарсовым, одним из основателей Внутренней организации, который подписался псевдонимом «Вардарский», и напечатана в Софии, хотя для конспирации местом издания была указана Вена. Брошюра критиковала стремление Экзархата к централизации и контролю над управлением болгарских церковно-школьных общин, видя в этом проекцию аналогичной тенденции стамболовского режима во внутривнутриполитической жизни Болгарии. Брошюра вводила понятия «сепаратизм» и «сепаратисты», но не в национальном, а в политическом смысле. Как указывал сам автор, «сепаратисты суть все интеллигентные болгаро-македонцы, чей сепаратизм состоит в том, что они против централизации церковно-школьной власти, другими словами это молодая болгаро-македонская партия, которая защищает самоуправление и старые права болгаро-македонских общин»². Другой основатель и активный деятель Внутренней организации Иван Хаджиниколов свидетельствовал о том, что брошюра была написана по определенному поручению и распространялась в основном среди экзархийских учителей в Македонии в качестве средства политической агитации, и каждый, кто разделял высказанные в ней идеи, «посвящался в революционное дело и приносил клятву»³.

Те же самые родимые пятна носил и Верховный комитет. Хотя основной причиной его создания было желание помочь болгарскому населению Македонии и Адрианопольской Фракии, а непосредственным поводом послужила захлестнувшая Болгарию в 1894 г. волна митингов протеста против резни армян в Османской империи, важную роль и в данном случае сыграли неодобрение и сопротивление внешней и внутренней политике стамболовского режима. Сам факт того, что идейное оформление и организационное строительство ВМОК совпали с большой внутривнутриполитической переменой – падением Стефана Стамболова, оттепелью в политической жизни и оживлением скованных до этого в своей деятельности партий – не мог не наложить отпечаток на него, что и стало в действительности. Не случайно в первом составе Верховного комитета, избранном на учредительном конгрессе в марте 1895 г., преобладали сторонники оппозиционных русофильских партий. Почти две третьих его членов являлись активистами партийных организаций Петко Каравелова и Драгана Цанкова, ко-

торые впоследствии оформились в Демократическую и Прогрессивно-либеральную партии. Независимые и не ангажированные во внутриполитическую борьбу в Болгарии деятели оказались в меньшинстве. Народная партия д-ра Константина Стоилова, как и стамболовисты, была полностью изолирована от комитета и его организации. Таким образом, на македонском поприще русофильская оппозиция добилась триумфального реванша за неудачу в парламентских выборах в сентябре 1894 г.⁴

С самого прихода к власти правительство К. Стоилова столкнулось с дилеммой: продолжать политику своего предшественника Ст. Стамболова, направленную на достижение церковных и школьных привилегий для болгар в Европейской Турции посредством применения Экзархийского фирмана 1870 г., или же официально поставить вопрос об исполнении 23 ст. Берлинского договора, касающейся политических прав. Второй путь был избран Внутренней организацией и Верховным комитетом. Автономия, под которой подразумевались широкие политические реформы, введенные и гарантированные великими державами, стала основополагающим принципом их программ. Вопрос о политических правах болгар в Македонии и Адрианопольской Фракии фигурировал и в программах основных оппозиционных партий в Болгарии.

Правительство, составленное из представителей Народной партии, первоначально, однако, выбрало другой вариант – через поддержание близких и дружеских отношений с Высокой портой оно попыталось добиться гарантий церковно-школьных привилегий для болгар в европейских провинциях Османской империи. Основным мотивом этого выбора была необходимость признания князя Фердинанда легитимным болгарским монархом и упрочение позиций нового болгарского правительства. Наиболее твердым сторонником такой политической стратегии был министр иностранных дел Григор Начович, который был убежден в том, что, дабы добиться от Высокой порты уступок, ни в коем случае нельзя создавать для нее затруднения в международном плане или давать ей повод обвинять Болгарию в нелояльности. Проводить стамболовистскую политику без Стамболова, однако, оказалось невозможно. Даже минимальные требования в болгарском церковно-школьном вопросе были отклонены Высокой портой⁵.

Неуступчивость Османской империи постепенно начала наводить болгарских политиков на мысль о необходимости оказания некоего внешнего давления, которое заставило бы турецкие власти быть более сговорчивыми. Первым к этой идее пришел болгарский дипломатический агент в Константинополе Петр Димитров, который вблизи наблюдал за настроениями в турецкой столице и

очень хорошо разбирался в мотивации и механизме принятия там властных решений. Поэтому 13 марта 1895 г. он писал Гр. Начовичу о том, что наиболее целесообразно в данный момент развязать руки македонским деятелям. Согласно ему, необходимо было допустить свободную организацию чет в Болгарии и разрешить их частичную переброску в Македонию. При этом правительство должно не выпускать из виду и контролировать движение, чтобы в точно определенный момент можно было бы его остановить. Только таким образом, согласно П. Димитрову, можно будет убедить Константинополь в том, что без содействия болгарского правительства он не сможет устоять против эвентуальной революционной волны, и заставить его быть более сговорчивым. Изменения в болгарской политической стратегии были вызваны также готовностью Высокой порты частично принять проект реформ, разработанных великими державами для армянских вилайетов в Малой Азии, критикой и давлением со стороны оппозиционных партий и усилением македонского движения в Болгарии⁶. В конечном счете, позиции трех факторов – правительства, оппозиции и Верховного комитета (в то время Внутренняя организация все еще находилась в процессе становления и была не в состоянии играть роль активного фактора в этой политической конфигурации), – на определенный отрезок времени полностью совпали, хотя и были продиктованы различными мотивами и интересами. От этого совпадения интересов и родилась Четническая акция в Македонии.

Четническая акция Верховного комитета была осуществлена силами четырех больших отрядов (дружин) и нескольких мелких чет, которые в конце июня – начале июля 1895 г. перешли болгаро-турецкую границу в Македонии. В их командный состав входило около 25-30 офицеров болгарской армии, преимущественно поручики и подпоручики. Этой группе военнослужащих впоследствии предстояло сыграть важную роль в македоно-одринском движении. Общая численность реально взявших участие в акции превышала 800 человек, часть из которых также служили в болгарской армии⁷.

Обеспечив для ВМОК возможность перебросить часть своих чет за границу, болгарское правительство посчитало это достаточным для того, чтобы поставить македонский вопрос на повестку дня дипломатии. Добившись желанного эффекта, оно, используя показное усердие полицейского аппарата, начало принимать усилия по ограничению деятельности македонских активистов. Если не считать нескольких столкновений между болгарскими четами и турецкими войсками, наиболее существенным достижением Четнической акции было взятие Мельника и сожжение Доспата (в качестве наказания за причастность его жителей, болгар мусульман, к насилию, имевшему место при подавлении Ап-

рельского восстания в 1876 г.). Но и столь малых успехов чет Верховного комитета было достаточно, чтобы о них стали писать в дипломатических отчетах и на страницах европейских газет. Сигнал, данный Болгарией, был настолько ясен, что не мог быть не понятым адресатами – македонское движение находится под контролем, и только от болгарского монарха и его правительства зависит, будет ему предоставлена свобода или нет. Цена спокойствия в Македонии была известна и Османской империи, и великим державам. Это признание князя Фердинанда легитимным болгарским монархом, новые бераты для экзархийских владык и, теоретически, известные административные реформы в Македонии. В конце 1895 г. политический узел начал успешно развязываться именно в таком направлении⁸.

Во всей этой политической комбинации наиболее неудовлетворенным остался Верховный комитет. После смерти его лидера Трайко Китанчева (1 августа 1895 г.) все приглушенные до того момента противоречия между македонскими деятелями обострились с новой силой. Правительство и дворец, стремившиеся обезличить и маргинализировать ВМОК, сохранив за собой монополию на решение македонского вопроса, умело разжигали эти противоречия. С их помощью уже в конце 1895 г. комитет распался, а в следующие три года македонское движение в Болгарии напоминало неорганизованный рой пчел. Вплоть до весны 1899 г. оно представляло собой пеструю мозаику, составленную из организаций, обществ и групп с различными, а зачастую и противоположными, политическими взглядами и неоформленной идеологией. Только тогда появилась новая сила, способная вернуть утерянное единство и повести ВМОК по новому пути⁹.

Одновременно с закатом Верховного комитета возшла звезда Внутренней организации. В тот период именно она утвердила себя как важный и перспективный фактор в решении македонского вопроса. С того времени датируются и первые прямые контакты между болгарским правительством и ВМОРО. Они установились после того, как Внутренняя организация решительно выступила против попыток Верховного комитета играть роль посредника. Стремление последнего быть посредником объяснялось его убеждением в том, что ВМОРО является лишь совокупностью революционных комитетов подобно македонским обществам в Болгарии, и, соответственно, неотъемлемой частью единой общей организации, руководящим органом которой является он – комитет в Софии (именно по этой причине в конце 1895 г. он присвоил себе титул «Верховный»), в силу чего только он обладает правом решать наиболее важные военные и дипломатические вопросы, связанные с освободительным движением.

Претензии на лидерство, должным образом сформулированные в специальном письме от 28 декабря 1895 г. к ЦК ВМОРО в Салониках, произвели сильное впечатление на тамошних деятелей более всего «своей надменностью», как свидетельствовал Гёрге Петров¹⁰. Руководители Внутренней организации в свою очередь в том же тоне отвергли претензии Верховного комитета на лидерство и настояли на реальной материальной помощи, в первую очередь на доставке оружия. Чтобы на месте ознакомиться с положением дел и амбициями Верховного комитета, в Софию 8 февраля 1896 г. прибыл Гоце Делчев. За несколько дней своего пребывания в Софии он успел встретиться с председателем комитета генералом Данаилом Николаевым и некоторыми другими видными деятелями, с которыми обменялся мыслями о взаимоотношениях между двумя организациями. Позиция генерала Д. Николаева и его сотрудников не отличалась от той, что была изложена в письме к ЦК ВМОРО, а именно: ВМОК будет представлять ВМОРО перед болгарским правительством и в Европе, а также иметь решающий голос при объявлении будущего восстания. Гоце Делчев отверг эти требования, решительно выступив за независимость Внутренней организации¹¹.

Стремление ВМОК играть роль руководителя внутри Македонии вынудило деятелей ВМОРО приступить к свертыванию сотрудничества с ним и переориентироваться на другие факторы национально-освободительной борьбы – офицеров действительной службы болгарской армии и офицеров запаса. Прибывший в Болгарию вслед за Гоце Делчевым Гёрге Петров весной и летом 1896 г. установил с ними теплые взаимоотношения. В своих воспоминаниях, рассказанных и записанных десять лет спустя, Г. Петров более или менее подробно описал свои встречи в болгарской столице. Однако вряд ли невольно он забыл упомянуть о самой важной своей встрече – с премьер-министром К. Стоиловым. Тогда Г. Петров естественно не мог знать, что болгарский государственный и политический деятель ведет дневник, в который старательно вносит заметки о проведенных им встречах и разговорах, и в котором запишет информацию и о нем.

Встреча между представителем ВМОРО и болгарским премьер-министром состоялась 22 июня 1896 г. Под этой датой К. Стоилов записал в своем дневнике: «Георги Петров из Прилепа, учитель в Македонии и македонский агент Военного министерства: есть почва для революции в Македонии; правительство должно быть начеку, поэтому необходимо вооружить население»¹². Через Г. Петрова Внутренняя организация обратилась к болгарскому правительству с просьбой выделить 5000-10000 винтовок различных систем, но, прежде всего,

системы «Генри-Мартини», которые были на вооружении турецкой армии. Помимо оружия организация настаивала на денежной помощи в размере 100 000 левов, которые следовало включить в бюджет Экзархата и через него с помощью доверенного лица правительства и ВМОРО передать «на нужды дела»¹³.

Контакты между Внутренней организацией и болгарским правительством нашли продолжение во встрече Христо Матова с К. Стоиловым 22 июля 1896 г. Прибывший в Софию с рекомендациями от экзархийского митрополита в Скопье Синесия, региональный руководитель ВМОРО и ее будущий теоретик ознакомил премьер-министра с развитием революционного движения в Македонии, изложил ему свое мнение относительно сербской пропаганды и снова обратил внимание на необходимость вооружения для освободительного дела¹⁴.

Взаимоотношения ВМОРО с ее партнерами в Болгарии перешли на качественно новый уровень в конце 1896 г. – начале 1897 г., когда в Софии было учреждено первое и единственное постоянное заграничное представительство организации. Первым в болгарскую столицу в начале декабря вернулся Гоце Делчев, за которым в марте следующего года последовал Гёрче Петров. Делегирование заграничных представителей в Софию было продиктовано материальными затруднениями ВМОРО и ее желанием установить прямые связи с болгарским правительством. При выстраивании подобным образом официальных взаимоотношений интересы двух сторон были различными. После Четнической акции правительство К. Стоилова воздерживалось от нового обострения македонского вопроса и в надежде добиться уступок в экзархийском церковно-школьном вопросе вернулось к политике лояльности по отношению к Турции. Внутренняя организация напротив взяла курс на организацию в перспективе вооруженного восстания и испытывала острую нужду в деньгах и оружии. Именно по этой конкретной причине и было открыто Заграничное представительство ВМОРО в Софии.

При посредничестве торгового дома «Братья Ивановы» правительство бесплатно передало организации 4000 винтовок системы «Крынка», оставшихся со времен русско-турецкой войны. Патроны к ним, однако, оно отказалось предоставить, дабы можно было держать организацию в зависимости и под своим контролем. Кроме того, правительство поставило условие – не предпринимать никаких вооруженных акций в Адрианопольском вилайете, дабы не вызвать негативной реакции России. Это, однако, противоречило планам ВМОРО и поэтому заграничные представители категорично заявили премьер-министру о том, что «в подготовке революции нужно действовать одинаково везде, где есть

наши рабы». Гёрче Петров имел «личный спор» по этому вопросу с Константином Стоиловым¹⁵.

Взаимоотношения между ВМОРО и правительством получили новый импульс с учреждением болгарских торговых агентств в Македонии и Адрианопольской Фракии (они явились неофициальными консульствами, которых Болгария не могла иметь по причине своего вассального статуса по отношению к Османской империи). Одной из их тайных задач стало осуществление прямых контактов правительства со всеми структурными подразделениями организации. По этой причине главами или секретарями агентств были назначены бывшие деятели Верховного комитета, близкие по своим идеям и взглядам к Внутренней организации, такие как Димитр Ризов, Тома Карайовов, Никола Наумов и др. Выбором этих лиц преследовалась еще одна цель – оторвать этих деятелей от Верховного комитета и таким образом совсем уменьшить его значение как фактора в освободительном движении¹⁶.

Во второй половине 1897 г. и на протяжении 1898 г. служащим торговых агентств удалось установить ряд контактов различного характера с деятелями ВМОРО. Наиболее активным в этих переговорах был торговый агент в Скопье Димитр Ризов. Еще в первых своих докладах он указывал на необходимость наиболее тесного сотрудничества с Внутренней организацией, особенно в борьбе против сербской пропаганды. В частности Д. Ризов пытался убедить К. Стоилова в том, что «наша революционная организация в Македонии является самым эффективным оружием против враждебной нам пропаганды, особенно против свирепствующей сейчас сербской пропаганды». Подчеркивая, что сербская церковно-школьная пропаганда в Северной Македонии совпала с появлением ВМОРО, Д. Ризов объяснял этот факт деятельностью организации, которая, по его словам, является единственным «светлым лучом» для болгарского населения. В начале 1898 г. он передал К. Стоилову требования внутренних деятелей – болгарское правительство должно уважать самостоятельность организации, не допускать переход разбойных чет из Болгарии в Македонию, оказать давление на Экзархат с целью назначения на должность учителей и школьных инспекторов членов ВМОРО, дать инструкции торговым агентам действовать в духе новой политики и самое главное предоставить деньги и оружие¹⁷.

В последующем – 15 октября 1898 г. – в одном обширном докладе (44 рукописные страницы), посвященном тем же проблемам, Д. Ризов снова возвращался к своему видению особой роли, которую «молодые люди» (так по соображениям безопасности агент называл революционных деятелей) могут и должны играть в защите болгарских национальных интересов. Основания для

этого он находил в том факте, что деятельность «молодых людей» «соответствует настроениям народа» и «вызывает его симпатии», из-за чего гармония между ними и правительством является «государственной необходимостью»¹⁸. Чуть позже, уже в Софии, Д. Ризов подал одну памятную записку на имя князя Фердинанда, которая, в сущности, являлась кратким пересказом предыдущего доклада с тем отличием, что сейчас вещи были названы своими именами¹⁹.

Константин Стоилов в принципе высказал согласие с мнением Димитра Ризова и требованиями ВМОРО, однако, взамен выдвинул ряд оговорок, которые практически сводили на нет эти требования. Стремясь координировать деятельность всех факторов болгарского национального движения и подчинить их задачам правительственной политики, он попытался поместить Внутреннюю организацию в точно определенные рамки. Ее роль сводилась к организации и исполнению одной вспомогательной акции при эвентуальных военных действиях Болгарии против Турции. ВМОРО, однако, не желала довольствоваться такими функциями и отстаивала независимость революционного движения в Македонии и Адрианопольской Фракии. У нее все более утверждалось мнение о необходимости избегать чрезмерного сближения с официальными властями и институтами Болгарского государства. Вместо этого следовало искать поддержки в тех кругах македоно-одринского движения в Болгарии, которые разделяли ее взгляды. Последняя встреча на «высшем уровне» между болгарским правительством в лице Константина Стоилова и Внутренней организацией в лице Дамяна Груева, состоявшаяся 23 марта 1898 г., не привела к существенным изменениям их позиций. Субсидия в 500 наполеонов (10 000 левов), переданная ЦК ВМОРО 24 ноября 1898 г. через торговое агентство в Салониках, также не смогла внести изменения во взаимоотношения между двумя факторами, которые становились все более холодными и сдержанными²⁰.

Материальная помощь со стороны правительства, однако, была очень незначительна, чтобы удовлетворить постоянно растущие потребности ВМОРО. В действительности, из-за отсутствия опыта и соответствующих структур большая часть из полученного на этом этапе оружия или стала негодной для употребления из-за неправильного хранения, или была конфискована турецкими властями. Более важным во взаимоотношениях между организацией и правительством была разработка и восприятие одной общей программы. Ею стал проект реформ для Македонии и Адрианопольского вилайета, разработанный весной 1896 г. Верховным комитетом. Кабинет К. Стоилова одобрил этот проект и представил его на самом высоком международном уровне. ВМОРО со своей стороны приняла реформенный проект Верховного комитета как свою

политическую программу и в последующие годы ревностно его отстаивала. Так этот документ, включавший в себя два основных принципа – политическую автономию и территориальную целостность Македонии (и соответственно Адрианопольского вилайета) в ее географических границах явился результатом консенсуса всех факторов болгарского национального движения²¹.

Изменение во взаимоотношениях между правительством и организацией наступило после отстранения от власти Народной партии и установления режима Либеральной партии, представленной кабинетами Димитра Грекова и Тодора Иванчева. В период 1899-1900 гг. отношения между ними развивались согласно приемлемой для обеих сторон формуле. В качестве посредника теперь снова выступал Верховный комитет, который сумел объединить все организации и течения македоно-одринского движения в Болгарии. В этом отношении радославистские правительства точно следовали тактике болгарского монарха, который через возбуждение волнений в Македонии и Адрианопольском вилайете стремился спровоцировать вмешательство великих держав. В этот период национально-освободительное движение переживало период быстрого подъема, но одновременно начинало ускользать из-под контроля официальных болгарских властей. Усиление Верховного комитета способствовало росту его амбиций относительно лидерства в революционном движении внутри Македонии и Адрианопольского вилайета, что рождало подозрения и противоречия в его взаимоотношениях с ВМОРО. Вместе с тем, некоторые стороны деятельности Верховного комитета на территории Болгарии, особенно проникновение его структур в армию, приводили его к столкновению с государственными институтами и с интересами монарха.²²

В период коалиционного правительства Демократической и Прогрессивно-либеральной партий, а затем самостоятельного правительства Прогрессивно-либеральной партии (1901-1903) раздвоение болгарской политики в македонском вопросе становилось все более отчетливым. В ней сосуществовали две тенденции: одна исходила от правительства, другая – через военного министра генерала Стефана Паприкова – от дворца. В то время как кабинеты Петко Каравелова и Стояна Данева отдавали предпочтения ВМОРО как фактору в революционном движении, дворец через некоторые свои институты, главным образом Военное министерство и армию, поощрял действия Верховного комитета, возглавляемого в то время генералом запаса Иваном Цончевым. Все это закончилось цепочкой противоречивых действий – преждевременное и плохо подготовленное Горноджумайское восстание осенью 1902 г., роспуск ВМОК в начале 1903 г., когда в Македонии и Адрианопольском вилайете кипела усиленная

подготовка к вооруженной акции, и провозглашение Ильинденско-Преображенского восстания летом 1903 г.

Ильинденско-Преображенское восстание и его политические последствия являются узловой проблемой во взаимоотношениях между болгарским правительством и ВМОРО, спустя годы они будут вызывать эмоциональные и крайние оценки. Даже спустя три десятилетия разочарование македоно-одринских деятелей от неисполненной, согласно им, освободительной миссии Болгарии оставалось все таким же острым и болезненным. Со всей силой своего литературного таланта его выразил поэт и историограф восстания Христо Силянов. В первом томе «Освободительной борьбы в Македонии», опубликованном в 1933 г. по поручению и при финансовой поддержке VII конгресса Ильинденской организации, автор почти дословно повторил серьезные обвинения революционных деятелей против болгарского правительства в 1903 г.: «При таких несомненных масштабах прямого и косвенного участия в подготовке македонских событий, – писал Силянов, – Болгария дождалась Ильин день без плана, без воли и без куража. Зная все то, что готовится, она не потрудилась через свои властные органы ни своевременно предупредить руководителей Революционной организации, заявив им категорически и недвусмысленно: "Не рассчитывайте ни на какое вмешательство и ни на какую помощь!" – ни позаботиться о наполнении своих военных складов»²³.

Эти обвинения, как видно, основательно укоренившиеся в сознании македонских деятелей в постильинденский период, не находят подтверждения в действительных фактах. Сам Хр. Силянов знал это, так как был первым, кто пользовался архивной документацией, убедительно опровергающей его собственный тезис. Она содержалась в фондах Министерства иностранных дел и вероисповеданий, предоставленных ему для изучения болгарским государством.

В 1903 г. Болгария в лице своего правительства ясно выразила свою позицию по подготавливаемому восстанию и категорически предупредила руководителей ВМОРО о несостоятельности их ожиданий. Первым сигналом, несомненно, стало провозглашение Верховного комитета вне закона министерским постановлением от 30 января. Несколько дней спустя, 5 февраля, премьер-министр и министр иностранных дел и вероисповеданий Стоян Данев адресовал торговым агентам в Македонии и Адрианопольской Фракии секретное циркулярное послание, в котором требовал убедить Внутреннюю организацию «вооружиться терпением и пока ждать результатов проектируемых реформ». Документ заканчивался так: «Считаю необходимым попросить Вас вдобавок

категорически всем заявить, что, если благоразумные советы Княжеского Правительства не будут приняты во внимание и организация прибегнет к восстанию, на Болгарию пусть не рассчитывают». Стоян Данев повторил свое предупреждение в новом секретном циркуляре от 21 февраля, а до своего ухода из правительства успел дать и другие аналогичные сигналы²⁴.

Предупреждения Данева были лишь заключительной фазой комплекса усилий болгарских правительств по ограничению македоно-одринского революционного движения, датируемых с начала 1901 г. Во-первых, служебный кабинет с премьер-министром генералом Рачо Петровым (12 января – 20 февраля 1901 г.) распустил народные стрелковые общества и запретил тайные офицерские братства в гарнизонах болгарской армии. Затем правительство Петко Каравелова (20 февраля – 22 декабря 1901 г.) арестовало весь состав Верховного комитета и ужесточило ограничительные меры. Так было предотвращено восстание в Македонии, которое ВМОК планировал и готовил летом или осенью 1901 г. После 3 апреля 1902 г., когда была осуществлена широкомасштабная дипломатическая акция с требованием введения предусмотренных в Берлинском договоре реформ для Македонии, кабинет Стояна Данева (22 декабря 1901 – 6 мая 1903 г.) еще сильнее сузил легальные рамки деятельности македоно-одринских активистов в Болгарии.

Такая решительность болгарских правительств в деле ограничения македоно-одринского революционного движения в стране и предотвращения восстания в Македонии объяснялась, прежде всего, внешним давлением, главным образом со стороны России. Можно было бы предположить, что, если такова была позиция «гражданского» сектора болгарской политики в македонском вопросе, то политика «военного» сектора следовала в другом направлении. Это предположение, однако, не подтверждается внимательным анализом документов стратегического планирования Ильинденско-Преображенского восстания; данный анализ не дает оснований говорить о гипотетической связи восстания с эвентуальной войной Болгарии против Турции в 1903 г. Ни на одной фазе этого планирования, начиная с первых самых общих идей генерала Ивана Цончева и его соратников из офицерских братств, продолжая «Общими основополагающими началами» капитана Димитра Венедикова и «Общим планом» Христо Матова, и заканчивая планами отдельных округов, не было ни малейшего намека на ожидаемую интервенцию со стороны болгарской армии. В этом отношении план восстания был категоричен: «Цель борьбы не в том, чтобы нам победить Турцию, а в том, чтобы она не могла нас победить; чем продолжи-

тельное борьба, тем вероятнее, что однажды европейские державы будут вынуждены вмешаться своими войсками»²⁵.

Вероятно, все эти и другие подобные вопросы обсуждались на тайной встрече заграничного представителя организации и бывшего ее председателя д-ра Христо Татарчева и князя Фердинанда в резиденции Евксиноград на черноморском берегу в конце сентября 1903 г. Содержание разговора продолжает оставаться тайной для историографии, скорее всего он вообще не был задокументирован. Во всяком случае, можно допустить, что были заложены основы тех взаимоотношений между болгарским государством и Внутренней организацией в постильинденский период, которые нам хорошо известны. С большой условностью возьмемся предположить, что несуществующий протокол встречи можно было бы резюмировать, используя слова другого заграничного представителя Христо Матова, сказанные им в то же время и по тому же поводу: «Восстание не могло не произойти и должно было произойти, как нечто предвиденное и сознательно подготавливаемое. С точки зрения цели, которую мы преследовали, оно было не безрезультатным; оно усилило международное вмешательство и расширило реформы, а тем самым сделало широкий шаг к автономии. От нас требуется ускорить наши шаги, которые неминуемо еще последуют»²⁶.

После Ильинденско-Преображенского восстания наступил самый трудный и противоречивый период во взаимоотношениях между болгарскими правительствами и ВМОРО. У руля власти тогда находилась Народно-либеральная (Стамболовистская) партия. В продолжение нескольких лет печатные издания Внутренней организации были переполнены массой публикаций, которые подвергали критике – более или менее острой, умело или неумело обоснованной – политику Болгарии в македонском вопросе в целом и по отношению к организации в частности. Эта тема стала излюбленной для различных профессиональных или доморощенных журналистов и публицистов, вышедших из среды македоно-одринского движения, некоторые из которых, как например Гёрче Петров, при выборе между фактологической достоверностью и внешним эффектом не всегда отдавали предпочтение первому.

Как правило, в публикациях подобного рода очень сильно злоупотребляли теоретическими рассуждениями, касающимися проблемы национализма и интернационализма, что отдаляло их от действительности. Стоит заметить все же, что истинные руководители ВМОРО, те, кто определял и осуществлял на практике деятельность революционной организации, не занимались публицистикой²⁷.

Истинное отношение организации к болгарскому правительству содержится в ее официальных документах – уставе, правилах, решениях конгрессов, протоколах, циркулярных посланиях и т.д., т.е. в материалах, которые регламентировали и направляли революционную деятельность. Свободные от эмоциональных порывов публицистики, эти документы оказывались намного более умеренными, стрелы в них были направлены главным образом против Верховного комитета и отчасти Экзархата, которые рассматривались как орудия «болгарского государственного национализма». В этих документах старались не говорить открыто об отношении ВМОРО к болгарскому правительству, а подчеркивали самостоятельность и независимость организации.

Традиция замалчивания сущности проблемы в первый раз была нарушена на Втором регулярном конгрессе Скопского революционного округа, состоявшемся 17-24 июля 1906 г. В своих выступлениях многие делегаты отмечали, что главная причина неудач ВМОРО в борьбе против турецких властей и сербских чет состоит в отсутствии оружия и денежных средств. Такое ненормальное положение возникло из-за того, что на предыдущем конгрессе округа (в январе 1905 г.) было принято решение не доставлять оружие извне, дабы не скомпрометировать принципы самостоятельности и автономии.

Всего одного года было достаточно, чтобы руководители ВМОРО в Скопском революционном округе смогли убедиться, что подобное решение является беспочвенным. «Наш страх скомпрометировать себя является безосновательным, – обобщил это мнение штипский легальный делегат, подписавший псевдонимом «Самоткин». – Одного факта, что наши четы набираются в Болгарии, вполне достаточно, чтобы все, кто нами интересуются, смогли составить представление о нашем истинном облике». Петко Пенчев поставил вопрос так: «Или будем искать средства вне Македонии и будем сильны или опять не будем искать, чтобы сохранить чистоту нашего дела от внешнего влияния, и тем самым окажемся перед риском погибнуть». В том же духе высказались и другие делегаты, и конгресс проголосовал за принятие следующей резолюции: «Дать полномочия окружному комитету через Представительство заняться поиском средств и вооружений для округа там, где найдет это удобным»²⁸. Источник вооружения в резолюции не был указан конкретно, но в контексте высказываний понимался вполне ясно – болгарское правительство.

Об этом решении Скопского окружного конгресса сразу же было проинформировано Заграничное представительство ВМОРО в Софии. В начале августа 1906 г. Христо Матов прозондировал мнение члена резервного состава Центрального комитета в Салониках Евтима Спространова, перебравшегося неза-

долго до этого по соображениям безопасности в Болгарию. Спространов неофициально ответил: «1. Обязательства не давать и 2. Правительство не должно делать рекламу из подарка»²⁹. Того же мнения придерживался и Дамян Груев. Тем самым на практике позиция руководителей Скопского революционного округа по вопросу сотрудничества с болгарским правительством получила одобрение руководства ВМОРО на самом высоком уровне. Разумеется, и впредь по тактическим соображениям такое решение вопроса по-прежнему не находило отражения в официальных документах организации.

Подобным же образом эволюционировало и отношение болгарского правительства к ВМОРО. В непосредственном контакте с организацией, ее руководителями и деятелями находились болгарские торговые агенты в Македонии. В тот период (1903-1908 гг.) на виду там были три фигуры – Андрей Тошев в Битоле, Тодор Недков в Скопье и Атанас Шопов в Салониках.

В случаях, когда А. Тошев затрагивал этот вопрос, он всегда подчеркивал, что смотрит на ВМОРО как на важный фактор в борьбе против турецкого господства и в противодействии чужой вооруженной пропаганде, добавляя к своим положительным отзывам умеренную критику некоторых негативных тенденций в организации, главным образом идейные противоречия между революционными деятелями. В ноябре 1907 г. А. Тошев будучи уже дипломатическим агентом в Белграде полностью раскрыл свои взгляды в обширном докладе министру иностранных дел Димитру Станчову, в котором более половины всего объема уделил организации (черновик доклада состоит из 302 рукописных листов, а машинописный текст из 148 страниц). Еще в самом начале доклада А. Тошев указал на то, что значение ВМОРО как политического фактора аналогично значению Экзархата и болгарского правительства, подчеркнув, что их деятельность продиктована одинаковыми патриотическими мотивами и конечная их цель одна и та же³⁰.

В частности А. Тошев полагал, что организация «необходима в качестве фактора, призванного и в будущем сыграть важную роль в решении македонского вопроса» поскольку само ее существование порождено условиями, в которых находится болгарское население в Европейской Турции. В поддержку своих идей он приводил следующий важный аргумент: «комитеты нужны для того, чтобы поддерживать у населения живую идею свободы и защищать это население от тирании как всевозможных турецких кровопийц и разбойников, так и греческих и сербских чет, чьи правительства посредством их террора стремятся изменить этнический облик Македонии».

Положительное мнение о значении ВМОРО разделял и скопский торговый агент Т. Недков, который в своем докладе в начале 1906 г. признавал, что «Революционная организация, бесспорно, является самостоятельным фактором в стране, и фактором не только важным, но в сегодняшних условиях и необходимым»³¹. В отличие от А. Тошева, он был более критично настроен по отношению к недостаткам организации, что иногда мешало ему увидеть и по достоинству оценить ее положительные стороны.

Наиболее резко Т. Недков реагировал на фракционные противоречия в руководстве ВМОРО, переросшие в личную вражду, что, согласно ему, в большой степени лишало организацию ее значения в качестве боееспособного фактора. Его сдержанность в этом отношении объяснялась также его опасениями, что отправление новых чет и раздача оружия дадут турецким властям повод подвергнуть болгарское население репрессиям. Альтернативу этому он видел в школьных реформах и легальном вооружении болгарского населения с целью защиты от сербских и греческих чет, но с разрешения и с содействием турецких властей. Аналогичную позицию занял и салоникский коллега Т. Недкова А. Шопов, с тем лишь отличием, что он был еще более резок в своих оценках. Особенно остро он выступал против чрезмерного развития четнического института, насильственного сбора денег у населения, против так называемых революционных судов или судебного института ВМОРО, но, прежде всего, он остро критиковал разногласия внутри организации³².

Критическое отношение торговых агентов к слабым сторонам Внутренней организации, впрочем, разделяли и сами революционные деятели. Они также видели недостатки в устройстве организации и пытались устранить их в ходе околийских, окружных и общих конгрессов. Такие попытки отчасти были предприняты еще на общем Рильском конгрессе в 1905 г., но в большей степени – во время Кюстендильского конгресса в 1908 г.

Однако на формирование представления болгарского правительства о месте и роли Внутренней организации оказывали влияние не только доклады «триумvirата» Тошев-Недков-Шопов, но и анализ и обобщение огромной по объему информации, которая поступала по другим каналам. Второе политическое отделение при Министерстве иностранных дел и вероисповеданий занималось приемом и обработкой всех данных, сопоставлением фактов, устранением противоречий и субъективных оценок и доводило до руководства страны единую, полную и объективную информацию, которая в свою очередь оказывала влияние на формирование позиции правительства по отношению к организации. Поэтому документы Второго политического отделения, как источник по

изучению взаимоотношений между болгарским правительством и ВМОРО, являются значительно более ценными, нежели индивидуальные доклады торговых агентов. К таким документам принадлежит и обширный доклад главы Второго политического отделения при Министерстве иностранных дел и вероисповеданий от 25 марта 1906 г., в котором была обобщена деятельность отделения за год и обозначена развернутая программа его будущей работы³³.

Еще в самом начале этого документа, отражавшего официальную позицию правительства, признавалось исключительное право ВМОРО на обладание революционной идеей, которая является объединяющей для болгарского населения, а сама организация оценивалась как своеобразная «болгарская политическая власть» в Македонии. Все это придавало ВМОРО значение «мощного оружия противодействия» сербским, греческим и другим посягательствам на целостность Македонии. Дабы можно было выполнить эту миссию, организация должна, прежде всего, преодолеть идейные противоречия и консолидировать свои ряды «под руководством умеренных элементов и при установлении возможной гармонии между всеми». В качестве необходимой меры в документе рекомендовалось «выделить материальную помощь нынешнему заграничному представительству, которое в поисках средств уже начало стучаться в другие врата». В документе оговаривалось, что деньги должны быть выданы напрямую, а не через третьи лица, как это происходило до сих пор. Указывалось на необходимость вынудить генерала Цончева распустить свою фракцию, а также убедить Экзархат назначить на должность учителей людей, указанных организацией, посредством чего можно было бы сгладить противоречия между ними.

Положительное мнение о ВМОРО преобладало и в другом институте болгарского государства, которому предстояло сыграть главную роль в решении национального вопроса – в армии Княжества Болгарии. Отношение Военного министерства и Штаба армии к Внутренней организации определялось подготовкой болгарской армии и оперативных планов к войне с Турцией. В этом отношении организации была отведена важная разведывательная роль.

В своем докладе от 17 ноября 1903 г. прикомандированный Штабом армии в качестве секретаря торгового агентства в Салониках ротмистр Тодор Марков, который одновременно являлся и главным руководителем болгарской военной разведки на территории Третьего турецкого корпуса (Македония), определенно указывал на то, что по своим национальным чувствам и политическим устремлениям местное болгарское население всегда готово сотрудничать с армией Княжества Болгарии. Особое значение в этом отношении он придавал ВМОРО, которую рассматривал не только как активного помощника в деле разведки сил

главного противника, но и как важный фактор в неизбежном военном конфликте с Турцией. Штаб армии и контактировавшие с ВМОРО офицеры также отмечали ее слабые стороны и предлагали меры по их устранению. Такими мерами, согласно им, могли стать увеличение субсидий для организации, оказание ей помощи в разработке перспективного плана действий, согласованного с оперативным планом болгарской армии, и выделение военных инструкторов, которые займются обучением личного состава регулярных чет и милиции³⁴.

Таким образом, обобщая выше сказанное, в период 1903-1908 гг. сотрудничество оставалось константой, лежащей в основе взаимоотношений между ВМОРО и болгарским правительством, составленным Народно-либеральной (Стамболовистской) партией. Плотное укутанное пеленой строгой секретности, ревностно замалчиваемое обеими сторонами, оно было напрямую связано с усиленной подготовкой к войне с Турцией. Наряду с оказываемой ВМОРО различными путями моральной и материальной помощью деньгами и оружием для ее борьбы против разбушевавшейся в тот период сербской и греческой вооруженной пропаганды, сотрудничество в полной мере проявилось в деятельности болгарской военной разведки в Османской империи, в которой были задействованы как отдельные активисты организации, так и целые ее подразделения. Постепенно эмоции отошли на задний план, и партнеры сосредоточились на трезвом и прагматичном решении проблем. Последние остатки напряженности были ликвидированы после устранения с политической сцены в 1905-1906 гг. деятелей бывшего Верховного комитета, возглавляемого генералом Цончевым. К тому времени правительство окончательно перешло к тактике прямого субсидирования и поддержки умеренных элементов в ВМОРО. Народный банк в Софии выдал кредит Внутренней организации в размере 100 000 франков под коллективную гарантию со стороны торгового дома Братьев Ивановых и издателя газеты «Вечерняя почта» Ставре Наумова. К концу того же 1906 г. организация получила от банка еще большую сумму³⁵. Существовали и другие каналы финансирования. Деньги, которые выделялись болгарским правительством и передавались деятелям ВМОРО торговыми агентами, для надежности проходили через «Благотворительную комиссию помощи страждущим македонцам и одринцам», учрежденную в Софии под председательством проф. Димитра Агура в разгар Ильинденско-Преображенского восстания. По его словам, сказанным Григору Начовичу в 1911 г., «Благотворительная комиссия» израсходовала на македоно-одринские организации и четы 900 000 левов³⁶.

В общих чертах болгарское правительство и сейчас продолжало придерживаться двух основных пунктов в программе национально-освободительного

движения – политической автономии и территориальной целостности Македонии. Официальную позицию в этом вопросе наглядно иллюстрируют заключительные слова цитированного выше доклада болгарского дипломатического агента в Белграде Андрея Тошева: «Наши политические отношения с Сербией необходимо вывести на чистую воду. Само собой разумеется, что политике различных соглашений и побратимства надолго будет положен конец, так как из подобных соглашений реальную выгоду извлекают только сербы. Мне кажется, что наиболее целесообразным и простым со стороны Княжества было бы открыто заявить соседнему королевству в Белграде, что мы до конца будем защищать идею автономии Македонии, и что только на этой почве мы бы согласились вести переговоры по вопросу некоего соглашения. Раздел Македонии для нас представляет собой безнравственную и антинациональную сделку и практически неосуществимую комбинацию, независимо от политической опасности, которую она в себе таит».

В 1910-1911 гг. ВМОРО восстановила свою организационную структуру, упраздненную после Младотурецкой революции. Это совпало с созданием Балканского союза и подготовкой к войне с Турцией, которой занимался коалиционный кабинет Народной и Прогрессивно-либеральной партий. Однако заключенные болгарским правительством договоры и тайные конвенции с союзниками, пришли в противоречие с политической программой Внутренней организации. Парадоксально то, что эта программа была оформлена в общих чертах в 1896 г. в результате согласия различных политических сил, в том числе Народной и Прогрессивно-либеральной партий. В то время первая была управляющей, а вторая – оппозиционной (хотя и находилась в состоянии организационного становления). Теперь же те же самые политические силы отступили от своих позиций и на практике приняли раздел Македонии. В подписанном 29 февраля 1912 г. «Договоре о дружбе и союзе между Царством Болгария и Королевством Сербия» идея автономии Македонии, хотя и не была формально оставлена, фактически была похоронена. Не случайно граница «спорной зоны», педантично с большой точностью очерченная в «Тайном приложении» к договору, полностью совпадала с территориальным охватом сербской вооруженной пропаганды в ее самом глубоком проникновении на юг. Так территориальная целостность и автономия Македонии были принесены в жертву Балканскому союзу и предстоящей войне против Турции. Всего через один год Балканский союз в свою очередь будет пожертвован за Македонию, но ошибку уже невозможно было исправить.

В этом состоит трагедия болгарского национально-освободительного движения – в отсутствии единой ясно определенной политической программы и стратегии, которой бы придерживались все официальные и неофициальные факторы. По этой причине сотрудничество между болгарскими правительствами и ВМОРО распадалось на тактические комбинации, явившиеся результатом конкретной обстановки и политической конъюнктуры, и не было рассчитано на четкую и длительную перспективу.

Перевод Д. Лабаури

-
- ¹ Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско (1878-1903). София, 1979. С. 66-74.
- ² Вардарски. Стамболовщината в Македония и нейните представители. Виена, 1894. С. 41.
- ³ Шалдев Х. Из записките на Ив. х. Николов // Илюстрация Илинден, 1936, № 2 (72). С. 6.
- ⁴ Елдъров С. Върховният македоно-одрински комитет и Македоно-одринската организация в България (1895-1903). София, 2003. С. 23-27.
- ⁵ Попов Р. Балканската политика на България 1894-1898. София, 1984. С. 17-31.
- ⁶ Там же. С. 32.
- ⁷ Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1933. С. 55-59.
- ⁸ Елдъров С. Четническата акция на Македонския комитет през 1895 година // Военен журнал, 1995, № 3. С. 106-113.
- ⁹ Националноосвободителното движение на македонските и тракийските българи (1878-1944). Т. 2. София, 1995. С. 140-156.
- ¹⁰ Там же. С. 159.
- ¹¹ Гоце Делчев. Спомени, документи, материали. София, 1978. С. 31-32.
- ¹² ЦДА, ф. 600 К, оп. 1, а. е. 78, л. 15.
- ¹³ ЦДА, ф. 600 К, оп. 1, а. е. 964, л. 26-27.
- ¹⁴ ЦДА, ф. 600 К, оп. 1, а. е. 78, л. 16; а. е. 964, л. 3.
- ¹⁵ Националноосвободителното движение... С. 164-165.
- ¹⁶ Пандев К. Указ. соч. С. 173-186.
- ¹⁷ НБКМ-БИА, ф. 178, II В 8226.
- ¹⁸ НБКМ-БИА, ф. 178, II В 8286.
- ¹⁹ НБКМ-БИА, ф. 178, II В 8249.
- ²⁰ Пандев К. Националноосвободителното движение... С. 172-184; Он же. Първият ръководител на ВМОРО – Дамян Груев // Векове, 1975, № 2. С. 12-14.
- ²¹ Пандев К. Политически искания и програми на българското националноосвободително движение в Македония и Одринско (1878-1912 г.) // Исторически преглед, 1980, № 6. С. 27-28.
- ²² Елдъров С. Указ. соч. С. 35-42.
- ²³ Силянов Х. Указ. соч. С. 440-441.
- ²⁴ ЦДА, ф. 3 К, оп. 8, а. е. 442, л. 1-3.
- ²⁵ Елдъров С. „Голямото разочарование”: България и въстанието // 100 години Илинденско-Преображенско въстание (1903 г.). София, 2005. С. 178-179.
- ²⁶ Силянов Х. Указ. соч. Т. 2. София, 1943. С. 59-60.
- ²⁷ Елдъров С. Българските правителства и Вътрешната македоно-одринска революционна организация (1896-1912) // 100 години Вътрешна македоно-одринска революционна организация. София, 1994. С. 74-75.
- ²⁸ Билярски Ц., Петров Т. Документи от конгресите на ВМОРО след Илинденско-Преображенското въстание // Известия на Българското историческо дружество, 1986. Т. 38. С. 369.
- ²⁹ НБКМ-БИА, ф. 324, оп. 1, а. е. 512-513.
- ³⁰ НА-БАН, ф. 175, оп. 1, а. е. 33, л. 1-302; ЦВА, ф. 06, оп. 1, а. е. 2, л. 84-231.
- ³¹ ЦДА, ф. 335 К, оп. 1, а. е. 131, л. 42.
- ³² НА-БАН, ф. 41, а. е. 86, л. 12, 23; а. е. 87, л. 1-2.
- ³³ ЦДА, ф. 3 К, оп. 8, а. е. 831, л. 1-36.
- ³⁴ Елдъров С. Към историята на българското военно разузнаване в Османската империя и ВМОРО (1895-1908 г.) // Военноисторически сборник, 1990, № 2. С. 3-24.
- ³⁵ Зографски Д. Австриски документи за историјата на македонскиот народ. Т. 2 (1907-1908). Скопје, 1981. С. 4-5.
- ³⁶ НА-БАН, ф. 41, а. е. 17, л. 33.